

Социокультурная система Московского царства и своеобразие петровской европеизации

Т.В. Черникова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья посвящена изучению вопроса о «революционности» европеизации России эпохи Петра I в контексте наиболее значимых отличий социокультурной системы России второй половины XV – начала XVIII вв. от западноевропейских аналогов этого времени. В первой части статьи автор выясняет, какую особенность социокультурной системы России западноевропейцы второй половины XV–XVI вв. считали главным отличием от европейских государственных устройств. Было обнаружено, что таким отличием считалось соединение в руках государя не только высшей политической власти, но и права быть верховным собственником ресурсов страны, что вело к выстраиванию всех общественно-политических отношений по линии «государь - холопы». Именно на этом основании ренессансная западная политическая мысль «не приняла» Московию в «Европу».

Автор, рассматривая различные подходы к описанию Московии второй половины XV–XVII вв., показывает, что существовал как благожелательный подход в описании России в сочинениях Иогана Фабри, Павла Иович, Альберта Кампензе, так и критическое отношение к русскому социально-политическому укладу большинства писавших о Московии (Матвей Меховский, Сигизмунд Герберштейн и др.). Также рассматривается дискуссия правоведов середины – конца XVI в. на предмет легитимности государственного устройства России, в частности, у Герберштейна, Флетчера и Бодена.

В статье указывается, что названных выше учёных мужей Ренессансной Европы справедливо считать основоположниками концепции патримониальной монархии (вотчинного уклада) в России, которую впоследствии развивал ряд отечественных и зарубежных историков (В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, Р. Пайпс, Э. Каррер д'Анкосс и другие.).

Во второй половине статьи анализируется понятие «европеизация» («вестернизация») России и представлена периодизация данного явления. Автор полагает, что отсчёт поверхностной европеизации как системы механического регулярно заимствования Россией новшеств модернизирующейся Западной Европы в военной, технической, культурной и других областях можно начинать с рождения единого Московского государства. Петровская европеизация была новым этапом освоения западноевропейского опыта, т. к. сняла государственный и церковный барьер в общении русских людей с западноевропейцами и не только поощряла

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 11.11.2021 г.

Принята к публикации: 15.01.2022 г.

обучение в западных странах и интерес к западной науке и культуре, но и открыла путь к становлению светского образования и науки в России. Успехи в этих областях стали бесспорными предпосылками для начала процесса модернизации России.

Но несмотря на то, что петровский этап (петровская европеизация) отличался от прежнего не только количеством заимствований, это не повлияло кардинально на суть политической системы России. Вотчинный уклад в эпоху Петра достиг своего апогея.

Ключевые слова: патримониальная монархия, вотчинный уклад, окончательное «закрепление сословий», вестернизация, преодоление Средневековья

Петровская эпоха занимает особое место в российской истории. Именно с неё начинается отсчёт Нового времени и процесс превращения России в великую европейскую державу. Неслучайно внимание историков первоначально приковывал к себе именно процесс европеизации страны и его «революционность» по отношению к старомосковским временам. Однако к концу XIX – началу XX в. в трудах В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова оформился критический взгляд на характер, методы и итоги внутренних преобразований Петра I. Анализ историографии эпохи Петра I можно найти в ставших классическими работах Е.Ф. Шмурло (Шмурло 1889, 1912) и датского историка Х. Баггера (Баггер 1985), историографических обзорах Н.И. Павленко (Павленко 1976), в оригинальной по структуре книге С.В. Бушуева (Бушуев 1994), а также в работах американского историка Н.В. Рязановского (Riasanovsky 1992) и историографических обзорах историков XXI в. (Большакова 2006; Китаев 2008; Соловьев 2009; Koshelva 2018).

Со временем соотношение «старого» и «нового» в контексте понимания модернизации как главной национальной задачи России в Новое время стало ключом к осмыслению петровских реформ. В.О. Ключевский показал, как европеизация Петра вытекала из западного влияния, охватившего Россию в XVII в. (Ключевский 1988), и констатировал: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в порабощённом обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешённая» (Ключевский 1989: 203). Современный историк А.П. Богданов нашёл в царе Фёдоре III прямого по замыслу реформ предшественника Петра, причём более вдумчивого (Богданов 2009). С.Ф. Платонов счёл возможным свести Петра с пьедестала «революционера на троне», показав родственность его внутренней политики курсу Романовых XVII в. Автор концепции «реформы без реформатора» П.Н. Милю-

ков пришёл к выводу: «Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейских держав» (Милюков 1905: 546), при этом её будущее, связанное с началом внутренней модернизацией, было, по сути, отдалено.

Критический анализ итогов и значения петровской реформы господствовал в исследованиях конца XX – первых десятилетиях XXI в. Мы можем наблюдать два прямо противоположных по смыслу подхода. Первый – это возврат к историософии и публицистике славянофилов и почвенников с отрицанием необходимости европеизации, а, по сути, и модернизации культурно-духовной сферы русской жизни (Багдасарян 2006, Киселев 2017, Реснянский 2009). Второй указывает на часто поверхностный характер петровской европеизации, которая где-то готовила почву для внутренней модернизации России, а где-то сдерживала её начало (Анисимов 1997, 2017; Каменский 2007). Последней позиции придерживается практически вся зарубежная историография русского XVIII в., и прежде всего видные представители англоязычной русистики Л. Хьюз (Hughes 1998), Р. Пайпс (Pipes 1974), Р.К. Масси (Massie 1981), Ю. Кракрафт (Cracraft 2003), Р.С. Уортман (Wortman 1995, 2004).

Московия – это Европа?

Западноевропейские представления о России XV–XVII вв.

В XIV – первой половине XV в. о Великом княжестве Московском в Западной Европе знали мало, отчего эту часть русского пространства часто называли «Тартарией». Представления о Руси ассоциировались тогда с южно- и западнорусскими землями, которые входили в Великое княжество Литовское. Поэтому когда немецкий путешественник-авантюрист Николай Попель попал в Москву Ивана III, он поспешил сообщить императору Священной Римской империи германской нации о наличии «другой Руси», за которой вскоре в записках иностранцев закрепилось название «Московии». В этой неведомой прежде Московии Империя и Святой престол надеялись найти союзника для обуздания османской экспансии в Европу, а также проводника идеи церковной унии.

В отличие от Германии в итальянских государствах, особенно в Милане, Генуе, и Венеции, о Московии знали с середины-конца XV в. Об этом свидетельствуют документы миланского архива Сфорца и книги венецианцев Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини¹. Барбаро побывал в Москве где-то

¹ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XV в. Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. Ленинград: Наука, 1971. Первый раз книга И. Барбаро «Viaggi fatti da Vinetia, alla Tana, in Persia, in India et in Constantinopoli: con la descrizione particolare di Citta, Luoghi, Siti, Costumi, et della Perta del gran Turco etc.» увидела свет в издании Антония Мануцио в 1543 г., позже была переиздана в 1559 и 1606 г. Контарини опубликовал свои записки «Viaggio de misier Ambrogio C., ambassador al gran-signore Ussum-Cassan, re di Persia» («Путешествие Амброджо К., посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану») в 1488 г.

между 1436–1452 гг. и в 1479 г., а Контарини находился в Москве с 26 сентября 1475 г. по 21 января 1476 г. Оба весьма благожелательно описали Московию, не увидев в ней ни отсталости (варварства), ни невежества. Контарини хвалил русского дипломата Марка, спасшего его от рабства и вывезшего в Москву с татарского Востока. Правда, он отметил, что обычаи Московии ему чужды и тяжелы, поэтому он был обрадован, когда великий князь Иван III отпустил его на родину.

Ещё до вояжа Контарини в Москву в 1472 г. в Италии с восторгом встретили инициированный Папой Павлом II брак московского государя Ивана III с воспитанной в Риме племянницей последнего византийского императора Софьей Палеолог. С 1470-х гг. в Италии ждали отвоевания москвитями хотя бы части земель канувшей в Лету Византии.

В первой половине XV в. небольшая часть католического духовенства рассчитывала на унию старых церквей против новой «протестантской ереси»: эти надежды стали причиной появления на свет идеалистических трудов о Московии немецкого богослова Иоганна Фабри, итальянского писателя-гуманиста Павла Иовия и жившего при дворе Папы Адриана VI литератора Альберта Кампензе, родом нидерландца.

Оппозицию им составляли воззрения на Россию Матвея Меховского и других польских авторов, чьё негативное отношение к Московии легко объяснить острым геополитическим соперничеством Польши и Литвы с Великим Московским княжеством.

Постепенно выяснялось, что ожидание антиосманского союза с Московией и преодоления церковной схизмы оказалось иллюзией. Добродушные дальних «соседей» сменилось досадой и стихийно формировавшимися стереотипами о России как о чужой Европе и варварской стране. Западная Европа быстро менялась в сравнении с временем, когда Барбаро и Контарини побывали в Москве. Ренессанс и Реформация уводили западноевропейцев всё дальше от их Средневековья, а Московская Русь оставалась типично средневековой страной. На Западе XV–XVII вв. средневековый идеологический концепт «христианского мира» начал перерабатываться в концепт «Европы» как эпицентра цивилизации. Ренессансные авторы, читающая их образованная публика, и даже простые обыватели в своей картине мира осмыслили вопрос, какие страны и народы входят в «Европу». Этот дискурс присутствовал и в заочной полемике названных выше почитателей Московской «Святой Руси» с их оппонентами.

Настоящим прорывом в этом споре стали «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна. Сочинение оказалось настоящей энциклопедией русской жизни для западноевропейцев не только XVI, но и XVII–XVIII вв.

Герберштейн посетил Россию в 1517 и 1526 гг. в качестве имперского и австрийского посла-посредника в русско-литовско-польских переговорах. Но как учёный своей задачей Герберштейн считал составление всестороннего научного

трактата о прошлом и настоящем столь мало известной Московии с описанием её территории, климата, религии, состава населения. «Сверхзадачей» Герберштейна было осмысление государственной системы России.

Государственный строй Московии Герберштейн назвал тиранией, и это означало отрицательный вердикт. В рамках политического учения Аристотеля тирания рассматривалась как незаконная форма организации государственной власти, т. к. она превращает подданных в рабов. Он писал, что Василий III всех свои подданных «одинаково гнетёт он жестоким рабством». «Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира ... Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех... Они открыто заявляют, что воля государя есть воля Божия... именуют его ключником и постельничим Божиим... Неизвестно, или народ по своей загрубелости требует себе в государя тирана, или от тирании государя сам народ становится таким бесчувственным и жестоким»².

Взгляд Герберштейна на Московию как на тиранию, подобную Османской империи, закрепился в большинстве трактатов на правовые, политические и исторические темы. Показательны в этом плане многочисленные записки англичан, членов Лондонской Московской компании, ведшей прибыльную торговлю с Россией во второй половине XVI в. Образ рождённого рабом москвиты, прославляющего своё рабство, вошёл даже в английскую литературу (поэзия Джорджа Тербервиля и Филиппа Сидни, пьесы Уильяма Шекспира).

Основным жанром сочинений о Московии с 1560-х гг. стали памфлеты, бичевавшие личные пороки московского «тирана» Ивана Ужасного и «варварскую жестокость» его внутренней и внешней политики. Через «Летучие листки», выпускаемые противниками России, в период Ливонской войны русско-польско-литовский конфликт стал восприниматься как защита Речью Посполитой Европы от натиска азиатского «варварства». Апогея такой подход достиг в памфлетах немца Павла Одерборна и веронца Александра Гваньини – авторов, связанных с Речью Посполитой. В царской и советской России цензурой был фактически наложен запрет на перевод и изучение их сочинений, за исключением упоминаний о них как об антирусских пасквилях.

Во Франции, раздираемой борьбой католиков и гугенотов, стереотип «московской тирании» присутствовал в дискуссиях обеих сторон относительно поиска правильного государственного строя Франции. К примеру, в 1570 г. вышла «Всеобщая история мира» Франсуа де Бельфорэ, где москвиты и турки были представлены верными рабами своих монархов-тиранов. Во «Всеобщей космографии», изданной в 1575 г. королевским космографом Андре Тевэ о Василии II, говорилось: «Этот герцог пользовался абсолютной властью, как над епископа-

² Герберштейн С. 2008. Записки о московских делах. Пер. А. И. Малеина. Москва: ЭКСМО. С. 63, 65.

ми, так и над другими, распоряжаясь имуществом и жизнью каждого по своей прихоти...»³. Анонимный памфлет «Иск к тиранам», который вышел во Франции на латинском языке в 1579 г., а на французском в 1581 г., упоминал тирании Османскую империю и Московию (Самотовинский 2014: 145).

Однако именно во Франции была продолжена традиция Иоганна Фабри, Павла Иовия и Альберта Кампензе. Только вместо конструкции «Святой Руси», страны искренних наивных христиан, управляемых сильной властью христианского монарха, приверженность которого к схизме Фабри, Иовий и Кампензе объясняли кознями коварных греков, новый вариант позитивного взгляда на Московию был основан на отказе от выводов Аристотеля о законном государстве как устаревших или пригодных только для античной Греции. Всесилие московского государя над подданными трактовали как одну из главных причин внутренней стабильности России, её военной мощи и успехов внешней экспансии как на восток (завоевание Казанского, Ногайского и Астраханского ханств), так и на запад (отъём у Литвы части её русских владений). Французские авторы не видели угрозы от Московии Европе. В 1540-е гг. знаток стран Востока профессор Гийом Постель в своём труде о государственной системе Турции⁴ заявил, что «христианское государство москвитов вот уже больше двухсот лет не даёт ... татарам сделать набег на Европу»⁵. А писатель-гуманист Луи Ле Руа нашёл, что существует связь между формой организации государственной власти в Московии – деспотией – и тем, что москвиты по их военному могуществу вошли в число «первых и самых славных народов мира»⁶.

Так военная мощь и успехи экспансии стали причиной компромисса при теоретической оценке форм государственного устройства стран «неевропейских», прежде всего, России и Турции. Такой подход в XVI в. особенно свойственен французскому Жану Бодену, одному из самых востребованных авторов Ренессансной Европы, писавших на политические и правовые темы: «...за многие столетия не нашлось до сегодняшнего дня никого, кто бы объяснил, что является лучшей формой государства»⁷. «Я называю монархией государство, в котором верховной властью наделён один человек, в результате чего получается либо полновластие, либо безвластие. Последнее называется тиранией, первое – королевством... По Аристотелю, король становится тираном, когда его управление,

³ Цит. по: Самотовинский Д.В. 2014. «Тирания» или «законная монархия»? Политические порядки Московии во французской этнографической, политической и исторической литературе эпохи религиозных войн. *Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки»*. 5(2). С. 144.

⁴ Par Guillaume Postel. 1560. De la republique des Turcs et la ou l'occasion s'offrera, des meurs et loy de tous Muhamedistes. Poitiers: par Enguilbert de Marnef.

⁵ Цит. по: Колпаков М.Ю. 2015. «Московия» французских интеллектуалов и «Россия» французских путешественников: трансформация образа русских на рубеже XVI–XVII вв. *Метаморфозы истории*. Вып. 6. Псков: Изд-во Псковского государственного университета. С. 74.

⁶ Там же. С. 75.

⁷ Боден Ж. 2000. *Метод легкого постижения истории*. Пер. М.С. Бобковой. Москва: Наука, С. 135.

и без того не отличающееся мягкостью, противоположно желанием народа. Но это неверная оценка, потому что при такой системе... сам Моисей, наиболее мудрый и справедливый правитель, может быть заклеимён как величайший тиран, потому что он приказывал и запрещал своему народу всё, действуя против его воли»⁸. В реальности всегда существовало, говорит Боден, «два вида государств. Первый утверждается силой, а второй – справедливостью. Ко второму типу относятся королевство, аристократия и демократия, к первому – тирания, олигархия и охлократия... Но так как империи, в которых побеждает тирания, не могут удержаться без справедливости, то тираны сами начали культивировать эту добродетель, не для себя, конечно, но для народа»⁹. Во французском (1576) и латинском (1586) изданиях главного труда Бодена, «Шести книгах о государстве», где была окончательно сформулирована его теория государственного суверенитета, автор отделил, так сказать, неправильную для «Европы» (т.е. романо-германской её части) форму единовластия – «тиранию», от варианта «законной деспотии», широко распространённого, по его мнению, в Азии, к примеру, в Турции и Московии. «Отличительным признаком *la monarchie seigneuriale* является то обстоятельство, что “король делается господином достояния и личности своих подданных... управляя ими наподобие того, как глава семьи управляет своими рабами”... народы Западной Европы такого правительства не потерпели бы»¹⁰. Однако поскольку и Османская, и Московская «сеньориальные монархии» (деспотии) достигли благодаря поддержанию внутреннего спокойствия большой военной силы и внешних успехов, их можно отнести к легитимным типам государственных систем.

В конце XVI столетия в заочный спор с нейтральной оценкой московской государственной системы Бодена вступил англичанин, доктор гражданского права, член Парламента и дипломат Джильс Флетчер¹¹. Его книга имела длинное по моде того времени название «О Государстве Русском, или образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царём Московским)¹², с описанием нравов и обычаев жителей этой страны». Это был исторический трактат, где

⁸ Там же. С. 179.

⁹ Там же. С. 191.

¹⁰ Jean Bodin. 1962. *The Six Books of a Commonweale* (1606). Cambridge, Mass., Book II. Ch. 2. P. 197-204. Цит. по: Пайпс Р. 1993. Россия при старом режиме. Москва: Независимая газета. С. 92.

¹¹ Последнее время современные отечественные авторы именуют Флетчера Джайлсом, что ближе к английскому произношению его имени. К примеру: Карацупа И. Россия и Англия в зеркале книги Джайлса Флетчера: из истории общественного самосознания и национальных комплексов. Но мы используем форму «Джилльс», которая с XIX в. закрепилась в российской историографии.

¹² Флетчер Дж. 1906. О государстве русском. Изд. 3-е. Пер. Д. И. Гиппиуса. Санкт-Петербург.: Изд-во А. С. Суворина. 162 с.

Флетчер Дж. 2003. О Государстве Русском. Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Пер. с англ. Н. Белозерской, Ю. Готье. Пер. с нем. И. Анонимова, И. Полосина. Смоленск: Русич. С. 14–151. В отличие от труда Герберштейна, сочинение Флетчера было мало известно современникам. По просьбе английских купцов, ведших торговлю с Москвией, английское правительство приказало сжечь весь тираж книги Флетчера из опасения, что негативная характеристика России, данная автором, лишит Английскую Московскую компанию её привилегий в России.

фактическая информация, почерпнутая из трудов Герберштейна, Меховского и английских авторов, дополнялась личными наблюдениями Флетчера. В сравнении с Герберштейном трактат Флетчера был скорее политологическим сочинением, лейтмотивом которого была трактовка России как нелегитимной тирании. «Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать, сколько возможно по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических. Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом»¹³. Социальной политике московского государя, по мнению Флетчера, было свойственно то, что он назвал «софизмом»: с одной стороны, наблюдалось «угнетение дворянства и простого народа, без всякого притом соображения их различных отношений и степеней»; с другой – «дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелевать простым, или низшим, классом народа и угнетать его... особенно там, где они имеют свои поместья или где определены царём для управления»; а с третьей стороны, «простолюдинам сделана также некоторая маловажная уступка тем, что они могут передавать свои земли по наследству любому из сыновей... Несмотря, однако, на это, оба класса, и дворяне, и простолюдины, в отношении к своему имуществу являются не чем иным, как хранителями царских доходов, потому что всё нажитое ими рано или поздно переходит в царские сундуки...»¹⁴.

Явная гиперболизация Флетчером неприглядных для него сторон русского самодержавия, свойственная всем английским авторам, может быть объяснена тем, что Англия с её «Великой хартией вольности» от 1215 г. и «торговыми мужиками» в парламенте, так возмущавшими в своё время Ивана Грозного¹⁵, продвинулась к концу XVI в. в модернизационных процессах Нового времени дальше иных европейских государств.

В XVII в. западноевропейцами были написаны сотни новых сочинений о России, но в теоретическом плане они не произвели никаких «революций». Все полагали Россию страной неевропейской. Условно, «линию Бодена» развивали побывавшие в России голландские дипломаты (Бальтазар Койет) и отчасти итальянцы. «Линию нелегитимной тирании» в научном плане развил голштинiec Адам Олеарий и многие другие «немцы».

¹³ Флетчер Дж. 2002. О государстве русском. Пер. М. А. Оболенского. Москва: Захаров. С. 41.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Мы думали, что ты в своём государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах для государства, — поэтому мы и затеяли с тобой эти переговоры. Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести, и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица». (Письмо Ивана IV к королеве Елизавете I от 24. 10. 1570).

Развитие концепции вотчинного уклада Московской Руси в исторической науке

Зачем мы совершили экскурс в область оценок западными современниками природы «старомосковского» уклада? Конечно, не только для того, чтобы показать неоднозначность представлений о Московии. Гораздо важнее, что это были оценки русскому Средневековью из эпохи Нового времени, когда рационализм уже обрушил монополию религиозной схоластики.

Причина доминирования критической оценки государственного и общественного строя Московии у большинства западноевропейских авторов лежала не в некой «извечной враждебности» Запада к России¹⁶, а в несходстве системы идеалов и ценностей средневекового москвитянина и смотрящего на Московию из раннего Нового времени европейца. Особенно остро расходились они и в трактовке смысла существования государства, и в долге человека, и в правильном с их точки зрения устройстве общества.

Наиболее значимо для оценки европеизации Петра I посмотреть, что происходило с тремя чертами социокультурной организации России, которые Боден и его многочисленные оппоненты согласно выделили как «несхожести» с «Европой»:

1) Россия принадлежит к миру менее развитому в цивилизационном плане, нежели «Европа». Выражалось это в оценках Московии как «тирании», а её народа – как «варварского и дикого», т. к. в России нет ни западного бытового комфорта, ни развитых ремёсел и прочих хозяйственных занятий, школ, университетов и науки;

2) Близкой к Московии по своему устройству западноевропейцам представлялась Османская империя, а потому многим западным интеллектуалам XVI–XVII вв. показалось логичным отнести Россию к государствам азиатским. Сама Московия конца XV–XVII вв. с её склонностью к изоляционизму и религиозному мессианству не скрывала недоверия, презрения, а то и открытой враждебности к Европе. Даже поворот части русской социально-политической элиты «бунташного XVII века» к западу не сделал Россию в умах россиян «Европой»;

3) Русское общество и центральная власть существуют в системе, не похожей на западноевропейские социально-политические конструкции как XV–XVII вв., так и западноевропейского прошлого, не говоря уже об античных греческих или римских временах.

¹⁶ Подобная версия, популярная в российской современной консервативной публицистике, была впервые рельефно представлена Николаем Данилевским в его «России и Европе» (1869). 150 лет назад польза от такого подхода заключалась только в том, что он помог выдающемуся теоретику Данилевскому параллельно с Тойнби открыть цивилизационный подход к пониманию прошлого и настоящего.

Оказалось, что достижения древних греков и римлян¹⁷ мало заботят москвитов, русские законы не имеют отношения к римскому праву, непререкаемо авторитетному на Западе, что вкупе с суровыми природными условиями определяет образ жизни и характер народа, а заодно и деспотизм государей.

Концепт «Россия – не Европа» столь прочно закрепился в стихийно выработанных стереотипах самого русского менталитета, что в отечественной историографии традиционно использовался термин «европеизация», а не его западный аналог – «вестернизация».

То, что авторы XVI–XVII вв. определяли как «тиранию», «деспотию» или «сеньориальную монархию», в науке XIX – начала XXI в. преобразовалось в понятие *служилого вотчинного государства*, стремящегося к «закрепощению сословий» (терминология классиков отечественной исторической и правовой наук В.О. Ключевского и К.Д. Кавелина). В западной историографии такой тип социокультурной системы называется *вотчинным укладом*. Макс Вебер называл присущий вотчинному укладу тип государства патримониальной (вотчинной) монархией. В середине – второй половине XX в. анализ вотчинного уклада можно найти в работах американского историка-концептуалиста Ричарда Пайпса и заслуженной представительницы французской россики Элен Каррер д'Анкóс, а также в работах многих зарубежных историков – Маршалла По, Майкла Ходарковски, Стефана Мунда и др. Взгляд Матвея Меховского, который одним из первых применил термин «иго» к зависимости северо-восточной Руси от Орды и увидел в этом одну из главных причин установления в Московской Руси государственного порядка, несвойственного «Европе», был развит в современной историографии в нескольких враждующих между собой концепциях, сходных во мнении, что «Москва – Второй Сарай».

Основным признаком вотчинного уклада был статус государя как не только носителя верховной политической власти, но и верховного собственника всей земли и ресурсов страны. В общественном сознании такое положение отражалось как религиозно-политическая догма, вытекающая из сакральной роли монарха в качестве наместника Бога на земле.

Концепция «вотчинного уклада» Пайпса базировалась на идеях авторов раннего Нового времени, а также развивала оценки историков критического направления российской государственной школы В.О. Ключевского, П.Н. Миллюкова, А.А. Кизеветтера и др. Подобно названным отечественным исследова-

¹⁷ На Западе в период даже раннего феодализма, когда господствовало обычное право, сохранялась память и о римском праве. В XI–XII вв. его штудировали во многих школах. С XIII в. им интересуются светские монархи и феодалы, купцы и прочие горожане, лишь отдельные церковные деятели тревожатся на предмет наличия в римском праве скрытого языческого духа. Но вскоре и церковь поощряет интерес к римскому праву и включение его принципов и норм в текущее законодательство по всем западноевропейским странам, ибо это способствовало защите интересов самих католических прелатов, являвшихся крупными феодалами, сеньорами и вассалами. С началом эпохи возрождения интерес к античному наследству становится разносторонним и всеохватывающим.

телям, Пайпс выводил корни московского вотчинного уклада из удельного княжества-вотчины времён Великого княжения Владимирского и его зависимости от Орды в XIII – первой половине XV в. «Происходили ли великие князья Владимирские из Москвы, Твери или какого-нибудь иного удельного княжества, они всегда рассматривали свои владения как вотчину, то есть свою безусловную собственность. Их власть над своими владениями может быть уподоблена власти держателя *dominium`a* в римском праве, определяемой как “абсолютная собственность, исключая иные виды собственности и подразумевающая за сим обладателем право пользования, злоупотребления и уничтожения” (Vinogradoff 1926: 30) ... с середины XV в. в связи с укреплением могущества московских князей и их переходом к открытой борьбе за установление верховной власти над всей Русью, значение термина расширилось и стало обнимать всю страну» (Пайпс 1993: 91), включая со временем не только русские территории, но и завоёванные земли других народов.

Вывод о включении всех присоединённых к Москве территорий в «наследственную отчину» московских Рюриковичей мы можем встретить на страницах любого труда, посвящённого становлению единого Московского государства. К примеру, дореволюционный историк Н.Г. Устрялов отмечал, что ломка при Иване III и Василии III новгородских и псковских общественно-политических устоев, как и изъятие вотчин у потомков удельных князей и переселение их в Москву с наделением землевладениями в неродных для них уездах России, было связано с тем, что самодержавие московского государя могло быть обеспечено только объявлением всей Руси «наследственной отчиной» великих князей Московских, ибо в представлении русских людей того времени «власть государя... в наследственной отчине... была неограниченна» (Устрялов 1997: 195).

Пайпс подчёркивал, что, в отличие от Запада Европы, в Московии стремление государя не видеть разницы между частной собственностью властителя, собственностью государства и собственностью подданных было реализовано на практике. Одним из стандартных критериев, использовавшихся западной мыслью для различения законного короля от деспота, было то обстоятельство, что первый уважает собственность своих подданных, а второй – нет (Пайпс 1993: 91–93).

Пайпс полагал, что торжество вотчинного уклада продлилось в Московской Руси до середины XVII в., когда само правительство начало процесс вестернизации. Из всех держав, организованных по принципу вотчинного уклада, Россия первой начала его сворачивать, будучи страной христианской и преимущественно славянской, к тому же расположенной ближе прочих «великих вотчинных государств» к Западной Европе – главному центру модернизации. В силу этих причин Россия «первой ощутила пороки своего жёсткого, негибкого устройства. Россия первой из незападных стран пережила период неверия в свои силы..., вызванный осознанием того, что, какой бы недостойной и негодной не казалась западная цивилизация, ей удалось завладеть секретом мо-

гущества и богатства, который надобно перенять тем, кто хочет с ней успешно тягаться» (Пайпс 1993: 151–152).

Внешне кажется, что Пайпс пересказывает идеи Ключевского, однако в позициях этих историков есть принципиальная разница. Ключевский, как всякий русский либерал-западник, не считал Россию чуждой Европе. Он предполагал, что по мере собирания русских земель вокруг Москвы Россия объективно вырастала за пределы вотчинного уклада, превращаясь в «государство – народный союз». Процесс этот шёл не без влияния Запада, но имел и внутренние корни.

Рассуждая о причинах Смуты, Ключевский назвал «вотчинный взгляд» на Московское царство русских людей XVII в. «недоразумением», связанным «с общей скудностью или неготовностью политических понятий». По мнению учёного, применительно к началу XVII в. русское государство «было уже союзом великорусского народа и даже завязывало в умах представление о всей Русской земле как о чём-то целом; но мысль ещё не поднялась до идеи народа как государственного союза... В общем сознании... Московское государство всё ещё понималось в первоначальном удельном смысле, как хозяйство московских государей, как фамильная собственность Калитина племени, которое его завело, расширило и укрепляло в продолжение трёх веков... такой вотчинный взгляд на государство был не династическим притязанием московских государей, а просто категорией тогдашнего политического мышления, унаследованной от удельного времени. ... Им представлялось, что Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа. Для них были нераздельными понятиями не государство и народ, а государство и государь ... ни скорее могли представить себе государство без народа, чем государство без государя» (Ключевский 1988: 48–49).

Многие историки, которых мы не можем отнести к разработчикам концепции «вотчинного служилого государства», сходились во мнении, близком к озвученному выше. К примеру, один из крупнейших специалистов по истории Средневековой Руси, советский учёный Л.В. Черепнин, вынужденный (в силу монополии принципа универсализма исторического развития в марксизме) вписывать становление единого Московского государства в ряд возникновения в Западной Европе централизованных национальных государств, отмечал, что, в отличие от Западной Европы, особенностью политического мышления русских людей было восприятие государства как «вотчины самодержавного государя» (Черепнин 1960: 15).

А.Б. Каменский на основе лингвистического и контекстового анализа трудов историков конца XIX – начала XXI вв. (И.И. Срезневского, О.В. Хархордина, М.М. Крома, А.В. Толстикова и др.) и исторических документов XV – начала XVII вв. пришёл к выводу, что после закрепления с конца XV в. термина «государь» утвердился и взгляд населения на Русское государство «как вотчину, в которой всё, включая имущество подданных, принадлежит лично» московскому государю. Кроме того, словом «государство» обозначалась функция управле-

ния. И.И. Срезневский, открывший первое упоминание слова «государство» в русских источниках в 1431 г.¹⁸, отметил, что в дальнейшем этот термин употреблялся в сочетании с великими князьями и с притяжательными местоимениями «их» и «ваше». Ещё «значение слова государство можно прочесть как государство, т. е. как функцию великих князей...» (Каменский 2007: 14). «Словарь русского языка XI–XVII вв.», ссылаясь на тексты начала XVI в., толкует слово «государство» как «правление, царствование, власть государя». М.М. Кром пришёл к выводу, что в летописях XVI в. все смысловые оттенки слова «государство» «объединяются вокруг единого семантического ядра – государя: ведь это его государство-власть, его государство-территория и т.д.» (Каменский 2007: 13–15).

В силу вышесказанного мы позволим себе не согласиться с Ключевским относительно того, что для XVII в. подобные взгляды русских людей были уже «недоразумением». На наш взгляд, они были зеркальным отражением социально-политических реалий Московского государства XV–XVII вв. Хотя после Смуты, как заметил Ключевский и что было подтверждено исследованиями других учёных, понятия «государь» и «государство» разделились, вотчинный уклад не исчез. Первые Романовы не утратили права забрать в любой момент у любого подданного по любому поводу его имущество, лишить его прежнего общественного статуса, а то и жизни. Русские поместья и вотчины не были аналогами западных феодалов или аллодов, будучи двумя формами вторичного землевладения из рук государя. Различались они лишь степенью распоряжения. С поместья можно было только жить и служить. Немощный дворянин или его вдова с малолетними детьми получали в прожиток лишь часть поместья. Новики, верстаясь в службу, наделялись не родительскими поместьями. Если они получали несколько поместных дач, то, как правило, в разных концах Русского государства. В итоге дворянин средней руки был привязан не к месту, где располагались его имения, а к государю, который через Разрядный и Поместный приказы определял его имущество и доход. Поместная форма землевладения превалировала в XVII в. В отличие от поместья вотчину можно было продавать, закладывать, дарить, дробить и наследовать, но право монарха забрать вотчину не позволяет признать её частной собственностью русского служилого человека. Появившаяся при Алексее Михайловиче практика с согласия Поместного и Разрядного приказов новикам служить с поместья отцов, а также разрешение дворянам в ряде случаев меняться поместьями и вотчинами, не меняло существа дела, т. к. государство не теряло, а наоборот подтверждало своё верховное право распоряжаться имениями служилых людей.

Именно в едином Русском государстве второй половины XV–XVII в., а не в Удельный период, отношения подданничества приобрели ясность и жёсткость,

¹⁸ Срезневский И.И. 1989. Словарь древнерусского языка. Москва: Книга. Т. 1. Ч. 1. Стб. 572.

выстроились по оси «государь – холопы». Исчезло прежнее фиксируемое княжескими рядами правило – «а боярам и слугам вольным воля», т. к. исчезли сами уделы великого княжения Владимирского, куда законно можно было переходить на службу от одного князя к другому. С оформившейся при Иване III претензией московских государей на «всю Русь» как их «отчину» бежать можно было разве что в Литву, становясь изменником.

С.А. Нефедов полагал, что петровский абсолютизм был явлением совершенно новым по отношению к прежней социокультурной системе России и возник как следствие военной революции под воздействием культурной диффузии с Запада. Становление московского государства конца XV–XVI вв. историк считал подражанием османскому устройству. «До края Европы исходившая из Франции диффузионная волна распространения рыцарской кавалерии так и не дошла. Не достигнув Русской равнины, эта волна остановилась в пределах Речи Посполитой: так же как на Западе, в Польше установился рыцарский строй, при котором дворянство закрепостило крестьян и ограничило власть монарха сословными собраниями. Россия же подпала под влияние другой диффузионной волны – распространявшейся с юга волны османских заимствований. В XVI в. Османская империя была самым могущественным государством Евразии, и её порядки приходилось копировать многим странам... Русская поместная система в деталях совпадала с системой тимаров – она была заимствована у османов в правление Ивана III. Таким образом, русские воины-“помещики” принципиально отличались от европейских рыцарей: они не владели своими поместьями и не могли распоряжаться крестьянами» (Нефедов 2014: 42).

Конечно, в России, как и во Франции времён Бодена, присутствовало осмысление колоссальных успехов турок в их экспансии в Европу, Азию и Африку. Но стоит помнить, что становление русской поместной системы началось ещё в середине XIII–XIV вв., её истоком были земельные дачи в начале XIII в. княжеским слуга-«милостникам» на срок их службы. Предпосылки же становления патримониальной монархии на Руси уходят корнями в особенности «окняжения» Ростово-Суздальской земли в XII в. Всё это никак не могло быть связано ни с османским влиянием в целом, ни с созданием при Орхане I (1326–1359) первых тимаров. Схожесть Московии и Османской империи, отмеченная западными наблюдателями XVI в., проистекала из вотчинного уклада обеих стран. Историк XIX в. К.А. Неволин первым указывал, что на юридическое оформление системы тимаров, как и на оформление русской поместной системы в Судебниках 1497 и 1550 гг., оказала влияние византийская прония. При этом К.А. Неволин и А.Д. Градовский связывали рождение русской поместной системы с развитием идеи о государе как о «верховном собственнике и его неотчуждаемой собственности» (Зимин 1959: 130).

Система подданничества при патримониальной монархии захватывает всех светских подданных от тяглецов до служилых, включая фамильную знать. Для всех служилых людей по отчеству (бояр, дворян, сынов боярских) их ста-

тус вытекал не из условий владения землёй, а из наследственного сословного долга служить государю бессрочно. Наделение всех их поместьями или, реже, вотчинами вытекло из натурального аграрного характера экономики Московии, не позволявшей по-иному обеспечить их выход на войну «конно, людно и оружно». При этом, если западный вассалитет гарантировал зеркальную связь прав и обязанностей вассалов и сеньоров, то подданничество сосредотачивало бóльшую часть прав в руках монарха.

Сложней вотчинному государству было выстроить своё господство над монастырским землевладением, достигавшим 40% площадей, отданных в XVI в. государем для «прокорма» служилым и церкви. Наличие монастырского землевладения вносило дисгармонию в логику вотчинного уклада, хотя с этих земель тоже отбывали «ратную повинность» в государевом войске церковные слуги, получившие поместья на вотчинной монастырской земле. Государи XV–XVI вв. провалили попытки секуляризировать хотя бы часть монастырских вотчин, удалось лишь запретить продажу монастырям и заклад светских вотчин, да ограничить отход их на помин души. Однако государи всея Руси, переориентировавшись на иосифлян с первоначальной своей симпатии к нестяжателям, выиграли в стратегическом плане. Нестяжатели, составлявшие меньшинство русского духовенства, несли в себе идею наднациональной вселенской церкви, в то время как защитники церковных вотчин были куда гибче в вопросе идеологического сопровождения нужд московского государства. Последнее проявилось и в разработке концепции «Москва – Третий Рим», и в эпизоде с разводом Василия III. Иосифлянская церковь становилась всё более национальной, что создавало большие возможности для постепенного подчинения её «государю-вотчиннику». Неудивительно, что уже Алексей Михайлович не только через Монастырский приказ перекачивал часть доходов с монастырских вотчин в казну, но и вышел победителем из противостояния с патриархом Никоном. Непонятный для Святого престола отказ всех московских монархов начать разговор о церковной унии имел не только идейно-духовную, но и политическую подоплёку, требующую подчинённого положения национальной церкви в рамках вотчинного уклада.

Итак, суть «неевропейства Московии», как его поняли в Ренессансной Европе и с чем впоследствии согласилась часть историков, заключалась в её средневековом вотчинном укладе.

Понятие «европеизации».

Роль европеизации в строительстве России как империи

Изменения, приближающие социокультурную систему России к западно-европейским образцам, условно можно назвать «европеизацией» (как утвердилось в нашей традиции), но лучше определить как «вестернизация» (свойственно зарубежной науке).

В современной зарубежной науке присутствуют оба термина. Аналогом «европеизации» является «westernization», понятие, используемое при анализе причин, хода, итогов и значения заимствований западноевропейского опыта Россией и другими странами мира с XV в. по настоящее время. Но с 1990-х гг. в работах прежде всего политологов появляется и понятие «europeanization». Спектр его применения гораздо уже. Концепция «europeanization» появилась в поисках ответа на вопрос о влиянии интеграции в рамках Европейского союза (Громогласова 2010).

О сути европеизации (вестернизации) России до сих пор продолжается острая дискуссия. Американский историк А. Янов полагал, что во времена Ивана III и реформ Избранной рады Россия была обычной «европейской страной», её «ориентализацию» с долгосрочными последствиями Янов начинал с Опричнины. С.Ф. Платонов вёл отсчёт поверхностной европеизации с XVI в. Б.Ю. Кагарлицкий замечал: «Вопреки представлениям позднейшей “западнической” публицистики Московия никогда не была изолированной от Запада – ни дипломатически, ни экономически. В противном случае немислимо было бы и существование в Москве знаменитой Немецкой слободы, где юный царевич Пётр учил немецкий и голландский языки и перенимал европейские манеры. Но в то же время власть, возникшая в России после поражения в Ливонской войне и потрясений Смуты, действительно сознательно выбрала изоляцию, только не экономическую, а культурную, идеологическую» (Кагарлицкий 2009: 95).

Далее мы предложим своё видение проблемы, основанное на наработках В.О. Ключевского. Он выделял три этапа взаимодействия России и модернизирующейся Европы, в ходе которого российская сторона в нарастающем режиме черпала и осваивала западноевропейский «новинны»:

Середина XV–XVI вв. – этап «общения», начало регулярного освоения новшеств западных пороховой и военной революций, различных ремесленных технологий, западных строительных и архитектурных достижений через призыв на русскую службу западноевропейских специалистов;

Большая часть XVII в. – этап «влияния», «когда общество, его воспринимающее, начинает сознавать превосходство среды или культуры влияющей и необходимость у неё учиться» (Ключевский 1988: 241);

Третий этап, начатый реформами Петра конца XVII – первой четверти XVIII в., кардинально поменял вектор русского развития, т.к. сутью его стало не прежнее, хотя и массовое, заимствование западного опыта, а старт глубинных институциональных трансформаций всех сторон русской жизни, связанных с вступлением России в процесс её внутренней модернизации.

Что объединяет все три этапа? Регулярный и нарастающий от века к веку процесс заимствования Россией разнообразного западноевропейского опыта. Это и есть самое широкое толкование понятия «европеизации» («вестернизации»). Подробнее обоснование такого определения и рассмотрения существа вопроса автор изложила в своих монографиях (Черникова 2019).

В сущности, первые два этапа представляют собой единый процесс. Шло механическое освоение всё большего числа западных военных, технических и культурных «новин» при посредничестве нанятых на русскую службу иностранцев – военных, инженеров, врачей, придворных, переводчиков, дипломатов, художников, музыкантов, мастеров разных профессий, причём не только западноевропейцев – «немцев» и «фрязей», но и греков, а также «поляков» и «литвинов», в число которых часто заносили и выходцев из православных земель Речи Посполитой. Западный опыт приживался (достаточно взглянуть на Московский кремль, шатровые церкви или вспомнить идею Рима как идеала вселенской империи), но, за исключением архитектурно-художественной традиции и отчасти литейного дела, не развивался далее. Между тем Европа всё время продуцировала инновации. Ради внешней безопасности надо было овладеть ими, и понимание этого правительством вновь и вновь инициировало «погоню», как, говоря о Годунове, выразился С. М. Соловьёв, за новыми западными кадрами. Иноземцев «старого выезда» или родившихся в России выдавливали через обращение в православие в число полных подданных московской короны, а упиравшихся в вере часто ждала опала или запись в служилые люди по прибору.

Применение новшеств пороховой и военной революций, соединяясь с возможностью «государя-вотчинника» мобилизовать большие силы и средства, давали на выходе рост конкурентоспособности России на международной арене. В конце XV – начале XVI вв. стало возможным начать борьбу за «всю Русь» отвоеванием у Литвы части западно- и южнорусских земель. В середине – конце XVI в. был обеспечен триумф русской экспансии в Среднее и Нижнее Поволжье, началось покорение Сибири, завершившееся в XVII в. Если при Иване III и Василии III Россия родилась, как потенциальная империя, пусть и периферийная, то при последних Рюриковичах, Борисе Годунове и первых Романовых она превратилась в особый тип сухопутной империи. К 1505 г. площадь Московии составила 2,2 млн кв. км, к 1584 – 4,1 млн кв. км, к 1613 – 8,6 млн кв. км, к 1645 – 12,4 млн кв. км, к 1676 – 14,5 млн кв. км, что сделало Русское царство самым большим в мире по территории государством (Черникова 2019: 520).

В современной историографии понимание Московского царства как империи (с разным подтекстом самого понятия «империя») достаточно распространено. «Точнее всего Россию в XVI–XVII вв. можно охарактеризовать как развивающуюся патриархальную империю, управляемую царём, чья власть благодаря завоеванию новых земель становилась всё более и более абсолютной» (Кревельд 2006: 325–326). Пётр, конечно, не был отцом «империостроительства» (достаточно взглянуть на карту и сравнить масштаб петровских приобретений сращениями прежних московских государей).

А.Б. Каменский справедливо замечает: «Исследователи Российской империи, кажется, едины в том, что официальная дата её рождения – 1721 г. – весьма условна, а её реальная история начинается значительно раньше, по меньшей

мере с рубежа XV – XVI вв., и уж определённо – с середины XVI в., когда, по выражению А. Каппелера, Москва приступает к “собираанию земель Золотой Орды” (Каппелер 1997), и Московская Русь превращается в полиэтничное и поликонфессиональное образование» (Каменский 2007: 10).

Возвращаясь к периодизации взаимодействия Московской Руси с Европой по Ключевскому, логично объединить два первых этапа в один ряд *поверхностной европеизации России*. При этом вотчинный уклад как главная отличительная черта Московии не только не разрушался, а наоборот креп, главным образом, потому что через заимствование новин пороховой и военной революций наращивал свою конкурентоспособность на западных рубежах и достиг многого в экспансии на восточных.

Особенности петровской европеизации

Правы ли Ключевский и большинство историков, начинающих именно с петровской европеизации отсчёт Нового времени в России? Прояснить здесь нужно два момента. Какое отношение реформы Петра имели к модернизации, т. е. к выходу России из средневекового традиционного социума в сторону индустриального общества? И шёл ли, выражаясь языком Пайпса, процесс сворачивания вотчинного уклада?

Стоит констатировать, что рост западных новшеств при Петре явно перешёл из «арифметической прогрессии в геометрическую», повинувшись воле царя, желавшего разом преодолеть средневековую отсталость посредством копирования западных форм во всех сторонах жизни.

У этого стремления была своя «парадная сторона», воспетая историком М.П. Погодиным: «Да, Пётр Великий сделал много в России. Смотришь и не веришь, считаешь и не досчитаешься ... Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 января 1841 года — Пётр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Пётр Великий велел считать месяцы от января. Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному Петром Первым, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завёл он, шерсть настрижена с овец, которых развёл он. Попадает на глаза книга — Пётр Великий ввёл в употребление этот шрифт, и сам вырезал буквы. Вы начнёте читать её — этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят газеты — Пётр Великий их начал. Вам нужно искупить разные вещи — все они, от шёлкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом: одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге. За обедом от солёных сельдей и картофелю, который указал он сеять, до виноградного вина, им разведённого, все блюда будут говорить вам о Петре Великом. После обеда вы идёте в гости — это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам — допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого. Пойдём в

Университет — первое светское училище учреждено Петром Великим. Вы получаете чин — по табели о рангах Петра Великого. Чин доставляет мне дворянство — так учредил Пётр Великий. Мне надо подать жалобу — Пётр Великий определил ей форму. Примут её — пред зеркалом Петра Великого. Рассудят — по Генеральному Регламенту. Вы вздумаете путешествовать — по примеру Петра Великого; вы будете приняты хорошо — Пётр Великий поместил Россию в число Европейских Государств и начал внушать к ней уважение» (Погодин 1846: 337–338). Славянофилов образы Погодина не убедили, они продолжали вглядываться в обратную сторону европеизации и видели грубый насильственный напор власти.

Всё это вместе взятое, как указывал ещё С.Ф. Платонов, создало вокруг петровской европеизации иллюзию революционного переворота. «Народ не мог уловить в деятельности Петра исторической традиции, какую ловим теперь мы, и поэтому считал реформу не национальной и приписывал её личному капризу своего царя» (Платонов 1994: 102). Однако сама практика регламентации царскими указами одежды, причёсок, брадобрития, определения к службе молодых дворян, принуждения их учиться угрозой запрета на брак или вечной записью в матросы, менявшиеся по царской воле трактовки образов святых, системы летоисчисления, отмена прежних празднеств и ввод новых с символикой, чуждой абсолютному большинству населения – и всё под угрозой штрафа или кнута, демонстрировало полное презрение монарха к мнению подданных, что мало напоминало практику западного абсолютизма, лавирующего между вторым сословием и городской частью третьего и дарующего и тем, и другим правовую защиту их социально-экономических интересов. Презрение Петра к общественному мнению выросло, конечно, не из знакомства царя с теорией общественного договора Т. Гоббса или идеей «общего блага»: оно вытекало из понятий прежней «старомосковской» практики, с её быстрыми перепадами от патернализма к деспотическому произволу. «С другими европейскими народами, – утверждал Пётр в беседе с иностранцами, – можно достигать цели человеколюбивыми методами, а с русскими не так: если б не употреблял строгости, то уже давно не владел бы русским государством и не сделал бы его таким, какое оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей» (Волков 2013: 41). «Наш народ яко дети, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневольны бывают...» (Пётр Великий: pro et contra 2003: 365).

Показательно, что идеалом государя, Пётр выбирает не своего «тишайшего» отца, а Ивана Грозного, известного в Европе под прозвищем «Ужасный». «Сей государь – есть мой предшественник и образец – сообщает царь зарубежным собеседникам, – я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел ещё в том столь далеко, как он»¹⁹.

¹⁹ Голиков И.И. 1838. *Деяния Петра Великого*. Т. 9. Москва: Тип. Николая Степанова. С. 59–60.

В чём действительно состоялась ревизия прежних представлений о власти, так это в создании настоящего культа государства, в котором государю отводилось место «первого слуги». Кроме западных идей, тут были и русские наработки. Бедствия Смуты заставили россиян разделить понятия «государь» и «государство» («отечество»), что позволило на рубеже 1612/1613 гг. восстановить центральную власть через выборную Земскую монархию Михаила Романова. При Петре «иерархия, существовавшая в русской средневековой идее государства: царь служит богу – народ служит царю, сменилась новым соотношением: и царь, и подданные служат Отечеству, “общему благу” государства» (Черная 1989: 43). Однако роль «первого слуги» не отняла у царя возможности быть олицетворением государства. Подношение Сенатом титулов «императора», «великого», а главное «отца Отечества» – лучшее тому доказательство. В пропагандистской риторике петровской эпохи «общее благо», почерпнутое из западной рациональной философии, трактуется чаще всего как интерес государства. В беседе с Лейбницем в Торгау в 1697 г. Пётр, услышав, что «общее благо» состоит в защите права и свободы граждан, ответил: «Свободу произрастим через просвещение и промышленность. Правда, теперь свобода ничего не значит и имеет только внешние очертания. Им недостаёт внутреннего существа – людей просвещённых»²⁰.

Пётр, подобно любому монарху своего времени, осознавал войну как главное средство продвижения интересов своего государства вовне. Баталии и прежде всего достижение победы в Северной войне были для Петра тем «общим благом», во имя которого он ни своего «живота», ни «живота» подданных не жалел. Всё прочее, как блестяще показано в трудах, к примеру, таких «критиков» Петра, как П.Н. Милюков и Е.В. Анисимов, и такого «апологета» Петра, как Н.И. Павленко, пошло как «побочный продукт» военных нужд. Отсюда и парадоксы внутреннего курса Петра.

Что же до вотчинного уклада, то именно он дал Петру средства мобилизации людских и материальных ресурсов в борьбе за «общее благо» в его понимании и обеспечил царя методами, способными сломить ропот недовольных, утопить в крови мятежников.

Шквал западных заимствований в быту, европеизация высокой культуры ускорили обмирщение повседневной жизни. Здесь вестернизация стала не причиной, а катализатором процесса, начавшегося ещё в XVII в.

Но западные бытовые новшества не вызвали в народном обиходе той подвижки к современности, которая возникла среди дворянства и части горожан. В своей духовной жизни народ остался в средневековой традиции. Тормозом перемен здесь стало расширение вглубь и ширь крепостного права. После введения

20 Цит. по: Василенко С.А. 2018. Абсолютный монарх в мировоззрении Петра I: к постановке проблемы. *Общество: философия, история, культура*. Научный журнал. № 6. С. 37.

в 1724 г. подушного налогообложения всё крестьянство перешло в разные разряды крепостных. Бывшие лично свободные черносошные стали государственными крепостными, о чём свидетельствует выплата ими не только подушной подати и выполнение работ в пользу государства, но и обложение их оброком, приравненным казной к доходу, приносимому помещикам их крепостными. В крепостные были переписаны холопы, гулящие люди, не задействованные в церковной службе попovichи. Паспортная система, введённая Петром, привязала весь тяглый люд к определённой местности и роду занятий, которые нельзя было изменить без соизволения государства. Многотысячные разряды приписных и посессионных крестьян отбывали барщину на двухстах мануфактурах. Россия дала миру феномен крупной крепостной промышленности, убившей раннюю буржуазную российскую мануфактуру-концессию XVII в., чем на века была заложена технологическая отсталость отечественной промышленности. Все эти «новшества», затронувшие более 90% населения, не имели никакого отношения к модернизации хозяйства и социальной структуры России, а аналоги их мы можем найти не в Западной Европе, а на её колониальной периферии.

Реформы органов государственной власти растянулись на всё царствование Петра и отличались спонтанностью. Обращение к западным практикам создало их внешнюю схожесть с трендами развития западной государственности. Так, созданная по западным образцам Табель о рангах 1722 г., выстроила иерархию четырнадцати военных, придворных и штатских чинов, отразив процесс становления в России, как и на Западе, бюрократии – института безличной политической машины «модерного государства».

Однако создание Сената, коллегий, Синода, Главного магистрата, органов местной власти в рамках двух областных реформ не вело к изъятию у «первого слуги государства» и «отца Отечества» права на деле оставаться «хозяином земли русской». Отрывать купцов от их дел продажей «заповедных» (государственных) товаров, разорять их ролью ответственных сборщиков налогов, забирать в казну частные мануфактуры, создавать казённые заводы, чуть позже вручать их купцам, часто без их на то согласия, разрушая старые торговые сотни, делить горожан на «регулярных» и «подлых» людей, потом опять переустраивать, выводя часть «регулярных» в цеха для направления их труда на нужды армии, превращать черносошных свободных селян в крепостных государства или крепостных своих сподвижников, конфисковывать имущество и казнить реальных и мнимых оппонентов – этим Пётр мало отличается от «старомосковских» государей.

Восприятие царя как верховного собственника позволило провести в жизнь указ о Единонаследии 1714 г. Вотчина была приравнена к поместью, и её владельцы лишились прежних привилегий. Теперь никто не мог ни продавать, ни закладывать свои имения. Дарованное сверху право оставить имение одному из детей мало что дало не только бывшим вотчинникам, но и бывшим помещикам, т. к. все прочие сыновья не получали, как в старомосковские времена, поместий от государства и за свою обязательную, бессрочную и ставшую ныне

постоянной службу, а должны были довольствоваться сравнительно скромным жалованием. Можно в этой реформе увидеть сходство с западным майоратом, с той разницей, что майорат как часть института частной собственности обеспечивал экономическую мощь и социально-политический авторитет аристократии, а единонаследие служило методом борьбы с «нетчиками», побуждало скрывающихся от службы самим её искать.

Как мы видим, основы вотчинного уклада были скорректированы лишь идеологически, а сохранение его парадоксально привело к тому, что западная идея «регулярного государства», воплощённая в западной практике разве что в прусской модели «полицейского государства», «в России времён Петра получила своё наиболее полное, если не сказать – противоестественное и вульгарное, развитие» (Анисимов 2001: 8).

Но если петровская европеизация не уничтожила вотчинный уклад, в чём же заключалась её связь с модернизацией как важнейшей национальной задачей России?

Главное «новое» стоит искать в создании предпосылок для будущей интеллектуальной революции, хотя этот процесс затронет в XVIII в. сознание не более 6% населения. Начнётся он с обрушения при Петре барьеров на пути знакомства верхушки русского социума с западноевропейскими реалиями, с рождения светского образования и привнесения на русскую почву наук. Последнему способствовало открытие Санкт-Петербургской Академии наук и художеств, которая состояла первоначально из западноевропейских учёных за неимением отечественных.

Прежде царская власть стремилась не допускать общения православных с инославными за пределами официальной службы или торговых дел. Ещё решительнее была настроена русская церковь XV–XVII вв., поддерживаемая средневековыми изоляционистскими воззрениями восточных православных иерархов. Показательно «Завещание» патриарха Иоакима (1690), призвавшего Ивана V и Петра I изгнать всех «немцев-еретиков» из России. Пётр по смерти следующего патриарха Адриана в 1700 г. заместил патриарха местоблюстителем, а в 1721 г. учредил для руководства церковью Синод, возглавляемый прокурором-мирянином, и превратил церковь в часть государственной бюрократической машины. Значительная часть церковных доходов к этому времени перекачивалась в казну через восстановленный Монастырский приказ, функции которого в 1721 г. перешли к Синоду.

Такое насилие над церковью оказалось в долгосрочной перспективе бедствием, не позволившим духовной жизни народа выйти за рамки традиционного менталитета через привычные ему и оживлённые в XVII в. религиозные искания. Тактический успех состоял в том, что ропот духовных консерваторов не препятствовал открытию светских цифирных и гарнизонных школ, училищ, ориентированных на подготовку русских военных специалистов, были сняты духовно-нравственные барьеры для получения образования за границей, взаи-

модействия русских людей с европейцами разных наций и конфессий, русское высокое архитектурное и изобразительное искусство стало частью общеевропейской культуры.

Преодоление старомосковского изоляционизма как одного из столпов государственной идеологии и мироощущения российской элиты можно также отнести к позитиву петровских реформ. Однако наметившийся ещё в XVII в. конфликт между средневековой культурой и становлением русской культуры Нового времени под воздействием крепостничества, заморозившего не только социально-экономическое, но также умственное и духовное развитие низших сословий, только углублялся. По мере развития петровской модели европеизации он грозил принять форму хронического социокультурного раскола, более глубокого, чем церковный раскол «бунташного века».

Европеизация и модернизация культуры русской элиты способствовали развитию государственных институтов. Неслучайно Мартин ван Кревельд, связывающий понятие «государства» с формами организации политической власти в Новое время, назвал «настоящими государствами» в Западной Европе конца XVII – начала XVIII вв. Францию, Испанию, Португалию, Великобританию, составные части Священной Римской империи, страны Скандинавии и Голландию; в Восточной Европе лишь Россия «стала государством или чем-то вроде того» (Кревельд 2006: 326). Кревельд связал становление российского государства с петровскими преобразованиями и определил его форму как «самодержавную (автократическую) империю» (Кревельд 2006: 331). Если учесть, что термин «империя» ван Кревельд трактует как организацию власти, предшествующую настоящему государству («модерному государству»²¹), то Россия Петра в рамках его теории являлась неким квази-государством. Аналога государственно-общественным формам Запада не получилось²², т. к. в России не появилось предпосылок для возникновения гражданского общества (Кревельд 2006: 331).

* * *

Пётр не был родоначальником процесса европеизации. Во многом он продолжил традицию поверхностной европеизации, которая оставалась одной из характерных черт отечественной патримониальной монархии с момента становления единого Московского государства.

²¹ Истоки концепции «модерного государства» (государства Нового времени) относятся к творчеству немецкого социолога Макса Вебера (1864–1920). Исследования «модерного государства» широко представлены в современной зарубежной историографии и либеральной отечественной историографии начала XXI в.

²² Не все историки согласны с мнением ван Кревельда. К примеру, М.М. Кром черты генезиса «модерного государства» обнаруживает в Московской Руси XV–XVII вв. М. Вебер полагал, что «модерное государство» складывается по мере формирования бюрократии с её служением не конкретному лицу, а безличным функциональным целям государства, в результате чего появляется «безлично ориентированное бюрократическое господство».

Связь Петра со старомосковскими традициями выразилась также в упрощении через европеизацию государственного механизма патримониальной монархии, усилившей своё всестороннее доминирование над обществом.

Модель европеизация конца XVII – первой четверти XVIII в. будучи суррогатом модернизации, способствовала мобилизации сил в ходе Северной войны, стратегическая значимость победы в которой состояла в возможности превращения России в одну из великих европейских держав.

На пути к этой цели Пётр довёл до завершения процесс государственного «закрепощения всех сословий». Это убедительно показано в трудах К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, В.И. Сергеевича, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, Н.И. Павленко, Е.В. Анисимова и других историков вне зависимости от того, употребляли они понятие «закрепощение сословий» или нет.

Трансформация в духе Нового времени культуры и общественного сознания элиты, а также быта дворянства и отчасти горожан заложила предпосылки для дальнейшей реальной модернизации России.

Методы петровской европеизации, априори игнорировавшие настроения сословий, проистекали из старомосковского опыта колебания курса патримониальной монархии между патернализмом и государственным деспотизмом.

Заимствованная на Западе идея «общего блага» приобрела в России форму культа интересов государства. С понятием «государства» ассоциировалось и понятие «Отечество».

В итоге «регулярное государство» Петра I оказалось реинкарнацией старомосковского государства-вотчины, но с той разницей, что оно декларировало себя частью Европы и на деле уже стало важным звеном международной европейской системы как в культурном, так и в геополитическом смыслах.

Об авторе:

Татьяна Васильевна Черникова – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: tchernikova1961@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: November 11, 2021
Accepted: January 15, 2022

Tsardom of Muscovy Traditional Culture and Peter's Westernization Project

T.V. Chernikova
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-2-83-7-36](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-2-83-7-36)

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: The article studies Peter the Great “revolutionary” westernization project of Russia by reviewing the most significant differences in the socio-cultural system of Russia centuries compared to its Western European counterparts in the second half of the 15th – early 18th century. The first part of the article identifies the distinctive features of the socio-cultural system of Russia, which the observers from the Western European saw as the most different from the “correct” European norms and institutions in the second half of the 15th-16th centuries. The most distinctive feature was the concentration in the hands of the Moscow sovereign not only of the state political power but also the property rights on all the country's resources. It resulted in the development of the public sphere in Russia along the line of “sovereign vs slaves”, which precluded the Renaissance Western political thought “to accept” Russia into “Europe”.

The author examines two main Western description of Muscovy (Muscovia) in the 15th – 17th centuries: a benevolent approach adopted by Johannes Fabry, Paolo Giovio, Alberto Campense; and a critical approach taken by most authors analyzing Muscovy (Matvey Mekhovskiy, Sigismund Herberstein, etc.). These two approaches were also reflected in the dispute between the jurists of the late 16th century about the legitimacy of the state power in Russia – “illegitimate tyranny” by Herberstein and Fletcher and “legitimate despotism” by Boden. These debates in Renaissance

Europe informed and shaped the concept of the patrimonial monarchy (patrimonial system) in Russia, which was subsequently developed by Russian influential historians (V.O. Klyuchevskiy, P.N. Milyukov and others) and foreign experts (R. Pipes, E. Carrer d'Ancausse and others).

The second half of the article analyzes the concept of “Europeanization” (“Westernization”) of Russia and offers a periodization of this phenomenon. The start of early Europeanization, when Russia began borrowing military, technical, cultural, and other innovations from Western Europe can be dated from the birth of a unified Moscow state. Peter's Westernization was indeed a new stage in adopting European experience because he removed the state and church barriers in the communication of Russian people with Western Europeans and encouraged not only going to the West for education and science, but also opened the way to the creation of secular education and science in Russia. These were prerequisites for the beginning of the modernization of Russia.

In other matters, Peter's westernization differed from the previous periods only in the number of cultural and institutional adoptions. Peter's political system was the apogee of the patrimonial culture in Russia.

Keywords: patrimonial monarchy, patrimonial, final “enslavement of estates”, westernization, overcoming the Middle Ages

About the author:

Tatiana V. Chernikova – Doctor of History, Professor of the Department of World and National History of Moscow State Institute of International Relations (University). 76 Vernadsky avenue, Moscow, 119454, Russia. E-mail: tchernikova1961@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Cracraft J. 2003. *The Revolution of Peter the Great*. Cambridge University Press. 192 p.
- Hughes L. 1998. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, CT; London: Yale University Press. 602 p.
- Kosheleva O. 2018. Contemporary Russian Historiography on the PrePetrine Era: New Aspects. *Quaestio Rossica*. 6(1). P. 269–289.
- Massie R.K. 1981. *Peter the Great: His Life and World*. New York: Ballantine Books. 900 p.
- Pipes R. 1974. *Russia Under the Old Regime*. Cambridge, Massachusetts. 360 p.
- Riasanovsky N.V. 1992. *The image of Peter the Great in Russian History and Thought*. Oxford: Oxford University Press. 352 p.
- Vinogradoff R. 1926. *The Legacy of the Middle Age*. Oxford: Oxford University Press. 549 p.
- Wortman R.S. 1995. *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy, vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I*. Princeton: NJ. 512 p.
- Ellul J. 1956. *Histoire des institutions*. Paris: Presses Universitaires de France. 887 p. (In French).
- Anisimov Ye.V. 1997. *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samodержaviya Petra Velikogo v pervoy chetverti XVIII veka* [State Transformations and Autocracy of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century]. St. Petersburg.: Dmitriy Bulanin. 331 p. (In Russian).
- Anisimov Ye.V. 2001. *Put' k svobode v Rossii XVIII veka* [The Path to Freedom in Russia in the 18th Century]. St. Petersburg: Zhurnal «Zvezda». 28 p. (In Russian).
- Anisimov Ye.V. 2017. *Potr Pervyy: blago ili zlo dlya Rossii?* [Peter the Great: Good or Evil for Russia?]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. 272 p. (In Russian).
- Bagger Kh. *Reforma Petra Velikogo: obzor issledovaniy* [Reform of Peter the Great: A Review of Research]. Moscow: Progress, 1985. 197 p. (In Russian)
- Bagdasaryan V. E. 2006. *Traditsionalizm i tsivilizatsionnaya identichnost' Rossii* [Traditionalism and Civilizational Identity of Russia]. Moscow: Sobraniye. 239 p. (In Russian)
- Bogdanov A. P. 2009. *Nesostoyavshiysya imperator Fedor Alekseyevich* [Failed Emperor Fedor Alekseevich]. Moscow: Veche. 320 p. (In Russian)
- Bol'shakova O.V. 2006. *Novaya politicheskaya istoriya Rossii: sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya. Analiticheskiy obzor* [New Political History of Russia: Modern Foreign Historiography. Analytical Review]. Moscow: RAN, INION. (In Russian)
- Bushuyev S.V. 1994. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. Istoriko-bibliograficheskiye ocherki XVII-XVIII vv.* [History of Russian Government. Historical and Bibliographic Essays of the 17th-18th Centuries]. Moscow: Izdatel'stvo «Knizhnaya palata». 416 p. (In Russian)
- Vasilenko S.A. 2018. *Absolyutnyy monarkh v mirovozzrenii Petra I: k postanovke problem* [The Absolute Monarch in the Worldview of Peter I: to the Formulation of the Problem]. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura. Nauchnyy zhurnal*. № 6. P. 35-38. (In Russian)

- Volkov A. A., Minnibayev B.I. 2013. Sotsial'nyye preobrazovaniya Petra I [Social Transformations of Peter I]. *Voprosy istoricheskoy nauki: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (Chelyabinsk, May 2013)*. Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa. P. 41-43. (In Russian)
- Gromoglasova Ye.S. 2010. Kontseptsiya yevropeizatsii v zarubezhnoy politologii [The Concept of Europeanization in Foreign Political Science]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika*. №4. P. 27-42. (In Russian)
- Zimin A.A. 1959. Iz istorii pomestnogo zemlevladieniya na Rusi [From the History of Land Ownership in Russia]. *Voprosy istorii*. №11. Noyabr'. P. 130-142. (In Russian)
- Kagarlitskiy B.Yu. 2009. *Periferiyunaya imperiya: tsikly russkoy istorii* [Peripheral Empire: Cycles of Russian History]. Moscow: Algoritm, Eksmo. 573 p. (In Russian)
- Kamenskiy A.B. 2007. Poddanstvo, loyal'nost', patriotizm v imperskom diskurse Rossii XVIII v.: issledovatel'skiye problem [Citizenship, Loyalty, Patriotism in the Imperial Discourse of Russia in the 18th Century: Research Problems]. Preprint WP6/2007/04. Seriya WP6. *Gumanitarnyye issledovaniya*. Moscow: HSE. 48 p. (In Russian)
- Kappeler A. 1997. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknoveniye, istoriya, raspad* [Russia – a Multinational Empire: the Emergence, History, Decay]. Moscow: Progress-Traditsiya. 344 p. (In Russian)
- Kiselev A.F. 2017. Protivorechiya yevropeizatsii Rossii [Contradictions of the Europeanization of Russia]. *Vysshyey obrazovaniye segodnya*. №6. P. 31-34. (In Russian)
- Kitayev V.A. 2008. *XIX vek: puti russkoy mysli* [19th Century: Ways of Russian Thought]. N. Novgorod: N. Novgorod University Publ. 355 p. (In Russian)
- Klyuchevskiy V.O. 1988. *Kurs russkoy istorii. Lektsiya XLIII* [Russian History Course. Lecture XLIII]. Op. in nine volumes. Part III. M.: Mysl'. P. 46-61. (In Russian)
- Klyuchevskiy V.O. 1988. *Kurs russkoy istorii. Lektsiya LIII* [Russian History Course. Lecture LIII]. Op. in nine volumes. Vol. III. Moscow: Mysl'. P. 241-264. (In Russian)
- Klyuchevskiy V.O. 1989. *Kurs russkoy istorii. Lektsiya LXVIII* [Russian History Course. Lecture LXVIII]. Op. in nine volumes. Vol. IV. Moscow: Mysl'. P. 183-204. (In Russian)
- Krevel'd M. van. 2006. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [Rise and Fall of the State]. Moscow: IRISEN. 542 p. (In Russian)
- Massi R.K. 1996. *Petr Velikiy*. V 3-kh t [Peter the Great. In 3 volumes]. Smolensk: Rusich. Vol. 1. 464 p. Vol. 2. 464 p. Vol. 3. 480 p. (In Russian)
- Milyukov P.N. 1905. *Gosudarstvennoye khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. 2nd edition. St. Petersburg. 687 p.
- Nefedov S.A. 2014. Proiskhozhdeniye «regulyarnogo gosudarstva» Petra Velikogo (Prodolzheniye) [The Origin of the "Regular State" of Peter the Great (Continued)]. *Voprosy istorii*. №2. P. 42-58. (In Russian)
- Platonov S.F. 1994. *Lektsii po russkoy istorii* [Lectures on Russian history]. Part 2. Moscow: Vlados. 336 p. (In Russian)
- Resnyanskiy S.I. 2009. Tserkovno-gosudarstvennaya reforma Petra I: protestantskaya model' ili vizantiyskoye preyemstvo [Church-state Reform of Peter I: Protestant Model or Byzantine Succession]. Moscow: YUNITI/ 253 p. (In Russian)
- Grosul V.Ya. (eds) 2000. *Russkiy konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika* [Russian Conservatism of the 19th Century. Ideology and Practice]. Moscow: Progress-traditsiya. 440 p. (In Russian)
- Samotovinskiy D.V. 2014. «Tiraniya» ili «zakonnaya monarkhiya»? Politicheskiye poryadki Moskovii vo frantsuzskoy etnograficheskoy, politicheskoy i istoricheskoy literature epokhi religioznykh voyn [“Tyranny” or “Legitimate Monarchy”? Political Orders of Muscovy in the

French Ethnographic, Political and Historical Literature of the Age of Religious Wars]. *Izvestiya vuzov. Seriya «Gumanitarnyye nauki»*. 5(2). P. 142-150. (In Russian)

Solov'yev Ye.A. 2009. *Petr Pervyy: metamorfozy obraza (konets XVIII – nachalo XX veka)* [Peter the Great: Metamorphoses of the Image (Late 18th - Early 20th Century)]. Moscow: RUDN Publ. 288 p. (In Russian)

Ustryalov N.G. 1997. *Russkaya istoriya do 1855 goda, v dvukh chastyakh* [Russian History until 1855, in Two Parts]. Petrozavodsk: «Folium». 957 p. (In Russian)

Uortman R.S. 2004. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Power Scenarios. Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy. T. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I. M]. Moscow: OGI/ 605 p. (In Russian)

Cherepnin L.V. 1960. *Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV-XV vv. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rusi* [Formation of the Russian Centralized State in the XIV-XV Centuries. Essays on the Socio-Economic and Political History of Russia]. Moscow: Sotsekgiz. 899 p. (In Russian)

Chernaya L. A. 1989. *Ot idei «sluzheniya gosudaryu» k ideye «sluzheniya Otechestvu» v russkoy obshchestvennoy mysli vtoroy poloviny XVII — nachala XVIII veka. Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikatsii* [From the Idea of “Serving the Sovereign” to the Idea of “Serving the Fatherland” in Russian Public Thought in the Second Half of the 17th — early 18th Centuries]. Moscow: Nauka. P. 28–43. (In Russian)

Chernikova T.V. 2019. *Rossiya i Yevropa. Nachalo dialoga. Konets XV- XVI vv* [Russia and Europe. The Beginning of the Dialogue. End of the 15-16 Centuries]. Moscow: «Akademicheskii proyekt», Izdatel'stva «Kul'tura». 438 p. (In Russian)

Chernikova T.V. 2019. *Rossiya i Yevropa. «Vek novshestv». XVII v.* [Russia and Europe. "Age of Innovation". 17th Century]. Moscow: Izdatel'stvo Publ. 665 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Анисимов Е.В. 1997. *Государственные преобразования и самодержавия Петра Великого в первой четверти XVIII века*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 331 с.

Анисимов Е.В. 2001. *Путь к свободе в России XVIII века. Империя и либералы*. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда». 328 с.

Анисимов Е.В. 2017. *Пётр Первый: благо или зло для России?* Москва: Новое литературное обозрение. 272 с.

Баггер Х. 1985. *Реформа Петра Великого: обзор исследований*. Москва: Прогресс. 197 с.

Багдасарян В.Э. 2006. *Традиционализм и цивилизационная идентичность России*. Москва: Собрание. 239 с.

Богданов А.П. 2009. *Несостоявшийся император Федор Алексеевич*. Москва: Вече. 320 с.

Большакова О.В. 2006. *Новая политическая история России: современная зарубежная историография*. Аналитический обзор. Москва: РАН, ИНИОН.

Бушуев С.В. 1994. *История государства Российского*. Историко-библиографические очерки XVII–XVIII вв. Москва: Издательство «Книжная палата». 416 с.

Василенко С.А. 2018. *Абсолютный монарх в мировоззрении Петра I: к постановке проблемы. Общество: философия, история, культура*. Научный журнал. № 6. С. 35-38.

Волков А.А., Миннибаев Б.И. 2013. Социальные преобразования Петра I. *Вопросы исторической науки: материалы II Междунар. науч. конф.* (г. Челябинск, май 2013 г.). Челябинск: Два комсомольца. С. 41–43.

Громогласова Е.С. 2010. Концепция европеизации в зарубежной политологии. *Вестник Московского университета*. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. № 4. С. 27–42.

Зимин А.А. 1959. Из истории поместного землевладения на Руси. *Вопросы истории*. № 11. Ноябрь. С. 130–142.

Кагарлицкий Б.Ю. 2009. *Периферийная империя: циклы русской истории*. Москва: Алгоритм. Эксмо, 573 с.

Каменский А.Б. 2007. *Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы*. Препринт WP6/2007/04. Серия WP6. Гуманитарные исследования. Москва: ГУ ВШЭ. 48 с.

Каппелер А. 1997. *Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад*. Пер. с нем.: С. Червонная. Москва: Прогресс-Традиция. 344 с.

Киселев А.Ф. 2017. Противоречия европеизации России. *Высшее образование сегодня*. №6. С. 31–34.

Китаев В.А. 2008. *XIX век: пути русской мысли*. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета. 355 с.

Ключевский В.О. 1988. *Курс русской истории. Лекция XLIII*. Соч. в девяти томах. Ч. III. Москва: Мысль. С. 46–61.

Ключевский В.О. 1988. *Курс русской истории. Лекция LIII*. Соч. в девяти томах. Т. III. Москва: Мысль. С. 241–264.

Ключевский В.О. 1989. *Курс русской истории. Лекция LXVIII*. Соч. в девяти томах. Т. IV. Москва: Мысль. С. 183–204.

Кревельд М. ван. 2006. *Расцвет и упадок государства*. Москва: ИРИСЭН. 542 с.

Масси Р.К. 1996. *Пётр Великий*. В 3-х т. Смоленск: Русич. Т. 1. 464 с. Т. 2. 464 с. Т. 3. 480 с.

Милюков П.Н. 1905. *Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого*. 2-е изд. Санкт-Петербург. 687 с.

Нефедов С.А. 2014. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого (Продолжение). *Вопросы истории*. № 2. Февраль. С. 42–58

Павленко Н.И. 1976. *Пётр Первый*. 2-е изд., испр., Москва: Молодая гвардия. 384 с.

Пётр Великий: pro et contra. 2003. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. Христ. Гум. ин-та. 1024 с.

Платонов С.Ф. 1994. *Лекции по русской истории*. Ч. 2. Москва: Владос. 336 с.

Реснянский С.И. 2009. *Церковно-государственная реформа Петра I: протестантская модель или византийское преемство*. Москва: ЮНИТИ. 253 с.

Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. 2000. В.Я. Гросул и др. Москва: Прогресс-традиция. 440 с.

Самотовинский Д.В. 2014. «Тирания» или «законная монархия»? Политические порядки Московии во французской этнографической, политической и исторической литературе эпохи религиозных войн // *Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки»*. 5(2). С. 142–150.

Соловьев Е.А. 2009. *Петр Первый: метаморфозы образа (конец XVIII – начало XX века)*. Москва: Изд-во РУДН. 288 с.

Устрялов Н.Г. 1997. *Русская история до 1855 года*, в двух частях. Петрозаводск: «Фолиум». 957 с.

Уортман Р.С. 2004. *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии*. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Москва: ОГИ. 605 с.

Черепнин Л.В. 1960. *Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.* Очерки социально-экономической и политической истории Руси. Москва: Соцэкгиз. 899 с.

Черная Л.А. 1989. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII века. *Общественная мысль: исследования и публикации*. Вып. 1. Москва: Наука. С. 28–43.

Черникова Т.В. 2019. *Россия и Европа. Начало диалога. Конец XV–XVI вв.* Москва: «Академический проект», Издательства «Культура». 438 с.

Черникова Т.В. 2019. *Россия и Европа. «Век новшеств». XVII в.* Москва: «Академический проект», Издательство «Культура». 665 с.

Черникова Т.В. 2019. *История России с древнейших времён до конца XVIII в. / История России в четырёх томах*. Т. 1. Москва: Аспект-Пресс. 667 с.

Шмурло Е.Ф. 1889. *Петр Великий в русской литературе*. (Опыт историко-библиогр. Обзора). Санкт-Петербург. 136 с.

Шмурло Е.Ф. 1912. *Петр Великий в оценке современников и потомков*. Санкт-Петербург. 161 с.